

ПИСЬМА АЛЬБЕРТА ЭЙНШТЕЙНА СТАЛИНУ И СОВЕТСКИМ ДИПЛОМАТАМ

Имя Альберта Эйнштейна (1879-1955) для большинства людей, даже совершенно не знающих его работ, однозначно сопрягается с предствлением об ученом, коренным образом изменившем все наши представления о пространстве и времени.

Исследования двадцатилетнего Эйнштейна объяснили причины огромного энерговыделения, сопровождающего взрывы атомных и водородных бомб. На броских обложках журналов и книг о ядерной энергии фотография Эйнштейна очень часто приводилась на фоне зловещего атомного гриба. Как бы предчувствуя возможность подобного сопоставления, а иногда и прямых обвинений, Эйнштейн писал в 1927 г. в статье, посвященной Исааку Ньютону: «Интеллектуальные средства, без которых было бы невозможно развитие современной техники, возникли в основном из наблюдения звезд. За злоупотребление этой техникой в наше время творческие умы, подобные Ньютону, так же мало ответственны, как сами звезды, созерцание которых окрыляло их мысли».

Менее широкий круг людей знает Эйнштейна как глубокого философа и широко эрудированного, свободно мыслящего, независимого человека. На Западе изданы многие тома его переписки с друзьями и коллегами. В его письмах разбросаны замечательные и тонкие мысли, они сверкают живым остроумием. Некоторые из писем Эйнштейна адресованы государственным деятелям разных стран мира. Особенно широко известно его письмо Президенту США Франклину Рузвельту, во многом положившее начало — перед лицом фашистской угрозы — работам американских физиков по созданию атомного оружия. А после окончания Второй мировой войны Эйнштейн был в числе первых ученых, обратившихся к Правительству США и мировой общественности с призывом прекратить ядерные испытания, отойти от политики гонки вооружений и приступить к международному сотрудничеству в мирном использовании энергии атома.

И, думается, совсем немногие у нас знают, что несколько писем Эйнштейна были адресованы представителям советской власти, включая И. В. Сталина. Письма касаются, по преимуществу, судеб немецких физиков, эмигрировавших из Германии в Советский Союз в 30-е годы. Перед тем, как представить эти письма читателям и прокомментировать их, стоит вкратце рассказать о том, как складывались отношения Эйнштейна с советскими физиками. Он был лично знаком со многими из них и высоко ценил их работы, оказывал им всяческую поддержку во время их зарубежных поездок. Сохранилась фотография, запечатлевшая Эйнштейна среди наших ученых и представителей немецкой интеллигенции на одном из вечеров, организованных в Берлине в 1927 г. А. В. Луначарским в рамках так называемой «Недели Луначарского» («Lunatscharsky Woche»), в задачи которой входило укрепление советско-немецких культурных и научных связей.

В наших архивах имеются несколько писем Эйнштейна к его советским коллегам. Тут и благодарность за избрание Иностранном членом нашей Академии наук, и, что более интересно, просьбы помочь с устройством на работу в СССР некоторым из его коллег. Так, еще в конце 20-х годов он написал директору Ленинградского Физико-технического института академику А. Ф. Иоффе (которого к тому времени хорошо знал) и попросил его помочь устроиться на работу в нашей стране своему бывшему ассистенту, д-ру Я. Громмеру. И действительно, Громмер, эмигрировав в СССР, в течение ряда лет, до конца жизни, профессорствовал в Белорусском государственном университете в Минске, много сделал для становления в Минске теоретической физики. Есть и еще подобного же рода письма, касающиеся физиков-теоретиков и экспериментаторов.

Судьбы многих из эмигрантов, бежавших в СССР от фашистских преследований, сложились трагически. Публикуемые письма Эйнштейна преимущественно касаются как раз этих людей. Копии этих писем хранятся в Фонде Альберта Эйнштейна при Бостонском университете (США)*, сотрудникам которого я признателен за возможность ознакомиться с ними. Оригиналы этих писем находятся в Еврейском университете в Иерусалиме. Письма публикуются с разрешения хранителей этого фонда.

* В январском номере «Звезды» за 1994 г. была опубликована переписка Эйнштейна с русским литератором, секретарем Л. Н. Толстого — В. Ф. Булгаковым. В предисловии к этой публикации рассказано об Архивах в Бостоне и Иерусалиме.

В двух письмах Эйнштейна речь идет о немецких (австрийских) физиках — А. Вайсберге и Ф. Хоутермансе, работавших в течение ряда лет на Украине, в Харькове, в тамошнем Физико-техническом институте. Судьбы их очень схожи.

Украинский Физико-технический институт был организован в Харькове в 1928 г. по инициативе академика А. Ф. Иоффе, во второй половине 20-х годов начавшего разукрупнять Ленинградский ФТИ — знаменитый Физтех и создавать физические центры в других городах СССР, прежде всего в Харькове, Свердловске, Днепропетровске и Томске. В Харькове направились сильные и талантливые ленинградские физики. УФТИ возглавил будущий академик И. В. Обреимов. Вместе с ним уехали из Ленинграда молодые экспериментаторы и теоретики. Именно в УФТИ в начале 1932 г. возникла знаменитая школа теоретической физики Л. Д. Ландау. Научным консультантом низкотемпературных исследований в Харькове стал П. Л. Капица, ядерных — И. В. Курчатов и Г. А. Гамов, с теоретиками Харькова был связан заведующий теоретическим отделом Ленинградского Физтеха Я. И. Френкель.

И. В. Обреимов с первых шагов своего директорства установил тесное взаимодействие с иностранными учеными — крупными специалистами тех разделов физики, которыми занимались в Харькове. Эти люди были дружески расположены к Советскому Союзу и горячо сочувствовали (на рубеже 20-х и 30-х годов) «социальному эксперименту», осуществлявшемуся в нашей стране.

Для крупномасштабных исследований по физике низких температур И. В. Обреимов организовал при своем институте специальное подразделение — типа опытно-конструкторского бюро, где должны были разрабатываться и испытываться установки для сжижения газов — водорода, азота, гелия. Это подразделение получило название ОСГО — Опытной станции глубокого охлаждения. К работе в ней и был привлечен Александр Семенович Вайсберг, как его стали звать в России, или Алекс — как его звали коллеги и друзья. Он родился в Австрии, был членом сначала Австрийской, а потом Германской компартии и горячим поклонником СССР. Весной 1931 г. он эмигрировал в СССР и стал работать в Харькове. Его заслуги в деле постановки низкотемпературных исследований велики и теперь должным образом признаны.

В марте 1937 г. Вайсберг был арестован и заключен в тюрьму. Ему, коммунисту и еврею, было предъявлено обвинение в шпионаже в пользу фашистской Германии, подготовке к организации убийств Сталина и Ворошилова. Судьба его после ареста складывалась необычайно драматично. После почти трехлетнего пребывания в тюрьмах Харькова, Киева и Москвы он в самом начале 1940 г. решением Особого совещания был признан «нежелательным иностранцем» и, в соответствии с пактом Молотова — Риббентропа, передан германским властям. Вайсберг и большая группа его товарищей по несчастью, преимущественно немецких коммунистов, работавших в различных учреждениях СССР, были перевезены из Москвы в Брест-Литовск. 5 января 1940 г. сотрудники НКВД подвели их к мосту через Буг; на другом конце моста их поджидали офицеры гестапо... Из тюрьмы советской Вайсберг попал в гестаповскую. Во время переправки в один из лагерей на территории оккупированной фашистами Польши ему удалось бежать. Он попал в партизанский отряд, которым руководила польская графиня Цыбульская, ставшая его женой (в знак уважения и благодарности к этой героической женщине, Вайсберг присоединил ее фамилию к своей). В годы войны Вайсберг сражался в Польше и во Франции (в отрядах маки). После окончания войны переехал в Швецию, там работал, там и умер. Он успел написать и издать книгу: «Охота на ведьм: Россия в горниле чисток» (Франкфурт-на-Майне, 1951). Предисловие к этой работе написал Артур Кестлер, автор недавно изданной у нас книги «Слепящая тьма». Книга Вайсберга была позднее переведена на многие языки мира, совсем недавно — в Польше. Я прочел ее английский вариант и почерпнул из нее массу интереснейших подробностей об организации и работе Харьковского ФТИ, о советских и иностранных физиках, работавших в нем в 1931—1937 гг*. Большая ее часть посвящена годам, проведенным в наших тюрьмах. Вайсберг по памяти приводит («протоколирует») допросы, выпавшие на его долю, очные ставки с другими сотрудниками ФТИ, арестованными чуть позже, чем он — летом 1937 г., в начале 1938-го. Пишет он и о пытках, которым подвергался, — именно в его книге я впервые прочел о так называемом «большом конвейере», когда следователи НКВД, сменяя друг друга, по нескольку суток допрашивали своих несчастных жертв. Вайсберг писал о том, что только один раз он «сломался» и оговорил как самого себя, так и своих коллег. Но уже на следующем допросе отказался от этих показаний! Должен повиниться перед памятью Александра Семеновича: временами у меня возникало ощущение, что он старается себя обелить.

В самом конце 80-х гг. в историко-физических статьях появились первые скупые

* A. Weissberg-Cybulski. Hexensabbat, Russland im Schmelztiegel der Sauberungen. Frankfurt am Main: «Frankfurter Hefte». 1951.

сведения о судьбах арестованных харьковчан (Обреимова, Лейпунского, Шубникова, Розенкевича, Горского). Я решил попробовать получить доступ к арестному делу Вайссберга. В этом мне помог директор Ленинградского Физико-технического института академик Ж. И. Алферов, направивший в адрес соответствующих служб депутатский запрос (он был в то время депутатом Верховного Совета СССР). И вот арестные дела Вайссберга и Хоутерманса были предоставлены мне для изучения. Меня буквально потрясло полное соответствие того, что писал в своей книге Вайссберг, с тем, что я увидел в его деле: он почти безошибочно воспроизвел содержание допросов — и того, о чем его спрашивали, и того, как мужественно он на эти вопросы отвечал!

По всему видно, что это был честнейший и благороднейший человек, преданный идеалам своей молодости и своим друзьям.

Сходным образом складывалась и судьба Фрица Хоутерманса (1903-1966). Это был физик-экспериментатор, обладавший и вкусом и способностями к теоретической физике. Вскоре после его рождения (в Данциге) семья переехала в Вену. Там прошли его студенческие годы, там он примкнул к левому движению, а переехав в Германию, вступил в 1925 г. в Германскую коммунистическую партию. Научная карьера Хоутерманса складывалась необычайно удачно. Он защитил докторскую диссертацию по работе, выполненной под руководством знаменитого физика, лауреата Нобелевской премии Джеймса Франка, директора Института экспериментальной физики при Геттингенском университете. В этом маленьком немецком городе, Мекке физиков и математиков 20-х годов, он летом 1928 г. познакомился с молодым русским теоретиком — Георгием Гамовым, командированным туда Ленинградским университетом. Мы говорим здесь об этом знакомстве потому, что оно для Хоутерманса во многом оказалось судьбоносным.

Молодые физики быстро подружились, и их дружба была скреплена совместной работой по приложению квантовой механики к физике ядра. Чуть позднее Хоутерманс, обобщив результаты Гамова, нашел (в совместной работе с Р. Аткинсоном) — «на кончике пера» — тот механизм, благодаря которому наше Солнце и звезды излучают гигантское количество энергии. В знаменитой в свое время книге Роберта Юнга «Ярче тысячи Солнц» (одной из первых, из которых мы узнали живые подробности о предыстории и истории создания атомной бомбы западными физиками и инженерами), есть такой эпизод. Летним вечером физик и нравившаяся ему девушка прогуливались по широкому валу, окружавшему Геттинген. Они любовались ярким звездным небом, и молодой человек сказал: «Теперь я знаю, почему они сверкают». Эта фраза, ставшая хрестоматийной, принадлежала Фрицу Хоутермансу и была обращена к его будущей жене. Летом 1930 г. Гамов организовал Хоутермансу приглашение на 1-й Всесоюзный съезд советских физиков (собранный в Одессе). Там заочные симпатии Хоутерманса укрепились: в 1931 г. он приезжает в Харьковский ФТИ, в следующем — в Ленинградский, а в 1935 г. с женой и маленькой дочкой, покинув Англию (куда он эмигрировал в 1933 г., спасаясь от преследований фашистов), обосновывается в Харьковском ФТИ. Здесь он выполнил ряд новых исследований по физике ядра (некоторые из них — совместно с И. В. Курчатовым и Л. В. Шубниковым) и приобрел среди советских физиков много друзей благодаря своему открытому характеру, таланту, уму и остроумию.

Дальше, с незначительными вариациями, его судьба сложилась так же, как и у его друга Вайссберга. Арест 1 декабря 1937 г., уже в Москве, в московской таможне (вся семья должна была вот-вот выехать на Запад через Скандинавию), а потом тюрьмы, допросы, очные ставки, пытки (Хоутермансу во время этих допросов выбили все зубы).

Дело Хоутерманса, заведенное на него в НКВД, читается с той же болью и напряжением, как и дело Вайссберга. И финал пребывания Хоутерманса на нашей земле у них совпадает. В конце декабря 1939 г. — Брест-Литовск, мост через Буг, гестапо.

Хоутерманс был немцем, и его коллегам, прежде всего знаменитому Макс фон Лауэ (Нобелевскому лауреату), удалось спасти его от преследований и, более того, устроить на работу в частную исследовательскую лабораторию Манфреда фон Арденне (в государственные учреждения Германии — университеты или институты — доступ ему, как бывшему члену Коммунистической партии, был закрыт).

Конец войны застал Хоутерманса в Геттингене. Он продолжал свои исследования в области ядерной физики, а потом переехал в Швейцарию, где организовал и возглавил институт. И, как и Вайссберг, написал и издал в 1951 г. вместе с историком К. Ф. Штепой, работавшим до войны в Киевском университете, книгу о своей мрачной Одиссее — в известной харьковской тюрьме на Холодной горе, киевской и московской тюрьмах. Книга называлась: «Русская чистка: фрагменты истории»*. На ее обложке были проставлены два имени: Бек и Годин. Ее авторы замаскировались под

* F. Beck, W. Godin. Russian Purge. L.: Hurst and Blacket Ltd. 1951.

псевдонимами, — боясь, как мне рассказали их коллеги на Западе, преследований агентов НКВД и за границей! Впрочем, следует сказать, что специалисту не составило бы большого труда угадать, кто же на самом деле скрылся за этими псевдонимами.

Вот об этих людях и хлопотал из далекой и благополучной Америки Альберт Эйнштейн*.

1

Госпоже Эльзе Хоутерманс¹
(через г-жу Грейс Лерой,
72 ул., д. 160, Нью-Йорк)

5 января 1938 г.

Глубокоуважаемая госпожа Хоутерманс!

Из сообщения профессора Франка² я узнал, что Ваш сын, хотя он и не русский, арестован в России. Поскольку, будучи немцем, он в этой «прекрасной» стране ни при каких обстоятельствах не будет ею защищен, то, пожалуй, не остается ничего иного, как обратиться за этой защитой к русским.

Поэтому я прилагаю сюда письмо к русскому послу в Вашингтоне — с тем, чтобы Вы добавили к нему некоторые биографические сведения о Вашем сыне и отослали бы оба письма послу в одном конверте.

С сердечным приветом и наилучшими пожеланиями

Ваш А. Эйнштейн

¹ Письмо Эйнштейна эмигрировавшей в США матери Ф. Хоутерманса, доктору Эльзе Хоутерманс.

² Г-жа Э. Хоутерманс знала Джеймса Франка в период жизни в Германии.

2

Господину Трояновскому, Послу СССР
Вашингтон, Округ Колумбия

5 января 1938 г.

Глубокоуважаемый г-н Посол!¹

Физик доктор Фриц Хоутерманс, германский подданный, последние годы работавший в России, некоторое время тому назад неожиданно был арестован — после того, как его уволили, а затем категорически отказали в выезде из России. От имени его встревоженной матери, г-жи Эльзы Хоутерманс, я убедительно прошу Вас сделать все от Вас зависящее, чтобы выяснить существо этого дела и, по возможности, содействовать тому, чтобы доктор Хоутерманс был выпущен из России. Его коллеги по прежней работе, профессор Джеймс Франк из Университета Джона Гопкинса в Балтиморе и профессор Нильс Бор² из Копенгагена, выразили готовность ходатайствовать о нем. Это свое письмо я сначала направил г-же Хоутерманс, чтобы она добавила к нему необходимые Вам данные <о своем сыне>.

С глубоким уважением
Профессор А. Эйнштейн

¹ А. А. Трояновский (1882-1955) — советский дипломат. С 1933 по 1939 г. — Посол СССР в США.

² В самом начале 30-х годов Хоутерманс некоторое время, по приглашению Бора, работал в руководимом им Институте теоретической физики в Копенгагене. Позднее, в 1938 г. Бор принял большое участие в судьбе семьи Хоутерманса (жены и двух детей), которым разрешили выехать из Москвы уже после его ареста. После окончания войны Хоутерманс обратился к Бору с просьбой поддержать издание своей и Штепы книги (но, интересно заметить, не сообщил в письме, сопровождавшем рукопись, что является одним из ее авторов!). В архиве Нильса Бора в Копенгагене я имел возможность просмотреть переписку Хоутерманса с великим датским физиком. Бор очень хорошо относился к Хоутермансу и ценил его талант.

* Письма Э. Хоутерманс, А. А. Трояновскому и М. М. Литвинову даны в переводе с немецкого, выполненном Л. В. Славгородской. Письма И. В. Сталину перевел с английского автор настоящей публикации.

В следующем письме речь идет о немецком математике Фрице Нетере, эмигрировавшем из Германии в СССР и устроившемся на работу в Томском государственном университете.

Фриц Нетер — сын известного немецкого математика Макса Нетера (1844-1921), специалиста в области алгебраической геометрии. Сестра Ф. Нетера, Эмми Амалия Нетер (1882-1935) — знаменитый математик. В 1928-29 гг. она прочла курс лекций по математике в Коммунистической Академии в Москве: судя по всему, в семье Нетеров были ярко выражены симпатии к СССР. В 1933 г. Э. Нетер эмигрировала из Германии в США. Эйнштейн откликнулся на ее кончину некрологом, в котором с исключительной теплотой отметил ее душевные качества и подчеркнул выдающийся вклад, внесенный ею в развитие науки (так, Э. Нетер удалось вывести знакомые нам со школьной скамьи законы сохранения энергии и количества движения из самых общих свойств пространства и времени).

К сожалению, о самом Ф. Нетере пока что ничего узнать не удалось. В статье Н. Я. Виленкина («Природа», 1991, № 6) глухо упоминается о том, что Нетер был арестован в 1937 г. и вскоре погиб; следы его теряются.

3

Господину Народному Комиссару
Литвинову¹
Москва, СССР

28 апреля 1938 г.

Глубокоуважаемый господин Литвинов!

Обращаясь к Вам с этим письмом, я выполняю тем самым свой долг человека в попытке спасти драгоценную человеческую жизнь. Речь идет о математике, профессоре Фрице Нетере, который в 1934 г. был назначен профессором Томского университета. 22 ноября 1937 г. он был арестован и препровожден в Новосибирск в связи с обвинением в шпионаже в пользу Германии. Два его сына были 20 марта 1938 г. высланы из России.

Я очень хорошо знаю Фрица Нетера как прекрасного математика и безукоризненного человека, не способного на какое-либо двурушничество. По моему убеждению, выдвинутое против него обвинение не может иметь под собой оснований. Моя просьба состоит в том, чтобы Правительство особенно обстоятельно расследовало его дело, дабы предотвратить несправедливость по отношению к исключительно достойному человеку, который посвятил всю свою жизнь напряженной и успешной работе.

Если его невиновность подтвердится, я прошу Вас поспособствовать тому, чтобы и оба его сына смогли вернуться в Россию, чего они хотят более всего². Эти люди заслуживают особого к ним внимания.

С глубоким уважением
Профессор А. Эйнштейн

¹ М. М. Литвинов (1876-1951) — советский дипломат. В 1930-1939 гг. — Народный Комиссар иностранных дел, в 1941-1943 гг. — Заместитель министра-иностраннных дел, Посол СССР в США.

² В «Словаре математиков», изданном у нас несколько лет тому назад, фигурирует (помимо М. и Э. Нетеров) Готфрид Нетер, родившийся в 1915 г. в Германии и с 1939 г. проживающий в США, где он получил высшее образование и стал известным математиком. Видимо, он — один из двух упоминаемых Эйнштейном сыновей Ф. Нетера.

4

Господину Иосифу Сталину,
Москва, СССР

18 мая 1938 г.

Глубокоуважаемый господин Сталин,

За последнее время мне стали известны несколько случаев, когда ученые, приглашенные на работу в Россию, обвиняются там в тяжких проступках — речь идет о людях, которые в человеческом плане пользуются полным доверием у своих коллег за границей. Я понимаю, что в кризисные и беспокойные времена случается так, что подозрение может пасть на невинных и достойных людей. Но я убежден в том, что как с общечеловеческой точки зрения, так и в интересах успешного развития

строительства новой России чрезвычайно важно, чтобы по отношению к людям редкостных способностей и редкостных же творческих сил обращались с исключительной осторожностью.

В этом плане я очень прошу Вас обратить внимание на дело, возбужденное против доктора Александра Вайссберга (Харьков). Господин Вайссберг — австрийский подданный, инженер-физик, работавший в Украинском Физико-техническом институте в Харькове. Очень прошу о том, чтобы в его случае был бы учтен отзыв о деятельности Вайссберга профессора Мартина Руэмманна¹, руководителя лаборатории низких температур (в Украинском ФТИ. — *В. Ф.*), который был передан в Наркомтяжпром весной 1937 г.

С глубоким уважением
*Профессор Альберт Эйнштейн*²

¹ Профессор Мартин Руэмманн, здравствующий ныне и живущий в Англии, был приглашен в Харьковский ФТИ И. В. Обреимовым. Там он успешно работал с весны 1932 г. до 1937 г., когда, будучи английским подданным, вернулся в Англию.

² Ответа на это обращение Эйнштейна к Сталину, видимо, не последовало. Добавим, что в поддержку А. Вайссберга и Ф. Хоутерманса в июне 1938 г. обращались к А. Я. Вышинскому (в то время — Генеральному прокурору СССР) французские физики — лауреаты Нобелевской премии Фредерик и Ирен Жолио-Кюри и Жан Перрен. В своем письме к Вышинскому они уведомили его, что копия этого письма будет ими через Советское посольство в Париже переслана Сталину.

Письмо Эйнштейна, как и письмо трех французских физиков, включено в предисловие к английскому изданию книги Вайссберга (она вышла в том же году, что и ее немецкий оригинал, но под несколько другим названием: «Обвиняемый»).

5

17 ноября 1947 г.

Уважаемый господин Сталин!

Я обращаюсь к Вам как уже старый еврей с просьбой сделать все возможное для того, чтобы найти шведа Рауля Валленберга и отправить его обратно на его родину. Валленберг был в числе очень немногих, которые в тяжкие дни нацистских преследований добровольно и рискуя своей жизнью боролись за то, чтобы спасти моих несчастных еврейских соплеменников.

С глубоким уважением
Альберт Эйнштейн

Несколько необычная форма, в которой Эйнштейн счел нужным представить себя Сталину, связана с деятельностью Р. Валленберга по спасению венгерских евреев от грозившей им неминуемой гибели. Подвиг, сделавший его национальным героем Швеции, получил широчайшую известность, а в последние годы о нем писала и наша пресса. Мы знаем теперь, что начиная с 1944 г., после освобождения нашими войсками Будапешта, к советским официальным лицам неоднократно обращались члены правительства Швеции и председатели созданных в этой стране специальных Комиссий по делу Р. Валленберга. Сравнительно недавно факт ареста Рауля Валленберга органами НКВД был официально признан. По версии, опубликованной в газете «Известия»*, на основе сохранившихся документов можно утверждать, что Рауль Валленберг, секретарь шведского посольства в Будапеште (напомним, что Швеция во Второй мировой войне сохраняла нейтралитет), был арестован в январе 1945 г. и в мае этого же года уже содержался в Лефортовской тюрьме в Москве. Он скончался там, по той же версии, в июле 1947 г. (отметим, что эта версия и сегодня подвергается сомнению и не считается окончательной).

В указанной публикации приведен рапорт А. Я. Вышинского (к тому времени уже не Генерального прокурора, а Заместителя министра иностранных дел) от 14 мая 1947 г., адресованный В. М. Молотову (Министру иностранных дел). Из рапорта следует, что на приеме у Сталина 15 июня 1946 г. тогдашний посол Швеции в СССР Седерблум обратился к нему с просьбой дать указание о розыске Валленберга и прояснении его судьбы. Таким образом, Сталин к моменту получения письма от

* Э. Максимова. «Валленберг мертв. К сожалению, доказательств достаточно». — «Известия», № 103, 3 июня 1993 г.

Эйнштейна знал о Валленберге, которого к 17 ноября 1947 г. (дата отправки письма Эйнштейна) уже не было в живых.

Судя по материалам А. Эйнштейна в Архиве при Бостонском университете, на его обращение последовал ответ, составленный по поручению Сталина Представителем СССР в США С. К. Царапкиным, ответственным сотрудником Министерства иностранных дел. Царапкин в письме к Эйнштейну сообщил, что его обращение было передано адресату. Сталин поручил сообщить Эйнштейну, что были предприняты меры для розыска Рауля Валленберга, не давшие «позитивных результатов».

Письмо Эйнштейна к Сталину приведено в биографической книге о нем, написанной известным физиком-теоретиком А. Пайсом, сотрудником Эйнштейна в первые послевоенные годы. Книга Пайса была переведена на русский язык и вышла в издательстве «Наука» в 1989 г. под редакцией академика А. А. Логунова*. Однако письмо Эйнштейна к Сталину, по непонятным причинам, из нее было изъято.

Публикация, *предисловие и комментарии В. Я. Френкеля*
Перевод Л. В. Славгородской и В. Я. Френкеля

*А. Пайс. Научная деятельность и жизнь Альберта Эйнштейна. М.; Наука. 1989.